А ДРЕС этот хорошо известен ленинградцам. А уж о любителях оперетты и говорить не приходится. «Как же не знать», — скажет вам любой из них, — Ракова, 13, Театр музыкальной комедии! Да, именно он «прописан» на этой красивой и тихой ленинградской улице, такой тихой, что даже не верится, неужели совсем рядом, буквально в нескольких шагах, Невский. И поселился здесь театр давно. Вот уже несколько десятков лет ходят сюда зрители. Ходили вчера, идут сегодня.

Зрители ходят в театр... Зачем? На этот вопрос можно ответить пространно, углубившись в теоретические дебри, порассуждать о цели существования театра вообще, о его общественной и воспитательной функции, вспомнить слово «кафедр», процитировать известные высказывания Белинского. А можно и очень просто. Вот так, как ответил на него один из зрителей Ленинградского театра музыкальной комедии.

— Зачем хожу в театр? Чтобы хорошо, интересно провести вечер, посмеяться, отдохнуть.

Конечно, отдохнуть. Зритель абсолютно прав. Театр — место отдыха, куда идут после напряженного рабочего дня; отдыха интересного, умного, веселого и праздничного. Не случайно существует выражение «собираться в театр». И это, если хотите, целый процесс. Для театра шьют нарядные, «выходные» платья, выставляют очереди в парикмахерской. А казалось бы, зачем! Во время действия в зале темно и вряд ли можно предположить, что вместо сцены зрители будут смотреть на своих соседей.

Но все дело в том, что театр не только спектакль. Понятие это очень объемно, оно вбирает в себя также и притягательную силу живого, непосредственного общения людей, и волнующее чувство объединения их особым, «театральным» приподнятым настроением, и радостное ожидание «чего-то», и просто удовольствия от несколько необычного и нарядного убранства фойе, от праздничного гомона антрактов. И как важно театру уметь сохранить и поддержать эту свою особенность, дорожить ею, стремиться ничем не нарушить праздничного настроения своего зрителя, для которого посещение театра — событие (пусть небольшое), хороший, заслуженный отдых.

Однако вернемся на улицу Ракова и посмотрим, удалось ли нашему зрителю осуществить свои

В ФОЙЕ И ЗА КУЛИСАМИ

желание. Скажем сразу, если и удавалось, то с трудом. Первое впечатление, угрожающее хорошему настроению, возникает сразу же при входе в театр — вешалка. Да, та самая вешалка, с которой, как известно, все и начинается. Даже если вы придете за полчаса до начала спектакля, то в зал сможете попасть лишь после третьего звонка. Шум, производимый толпой зрителей, пытающихся в темноте найти свои места, стал почти обязательным дополнением к увертюре. К тому же поиски мест осложняются отсутствием билетеров. Они, конечно, существуют, но узнать их может только хороший анжирм в лицо — никаких опознавательных знаков, то бишь формы, отличающей билетеров от просто зрителей, нет.

Но, допустим, мы проявили предусмотрительность и, зная ничтожную пропускную способность гардероба, пришли в театр заранее, задолго до начала, благополучно разделись и направились... Куда? Конечно, в фойе. Не тут-то было. Вход в большое фойе прочно забаррикадирован. Правда, слово «прочное» не совсем подходит — к двери приставлено старое, выцветшее кресло. И лучше его не трогать. Мы наблюдали попытку сдвинуть его с места, но отвалившаяся при этом ручка быстро охладила энтузиазм. Оказалось, что вся мебель, а она представлена в театре огромными дворцовыми, обитыми бархатом креслами и диванами, ни разу (в ей уж за 50 лет) не ремонтировалась. Нужно сказать, что этот эксперимент на прочность она явно не выдержала.

Но где же все-таки будут проводить время в антрактах зрители, где испытать они «радость общения», где можно будет, как говорится, и себя показать, и на людей посмотреть?

— Есть, есть такое место, — говорит нам, — пройдите, пожалуйста, к «гроту»(1).

Нет, это не условное название, действительно вы попадаете в комнату, несколько озадачивающую вас своим необычным видом. Что-то среднее между вестибюлем ресторана и рыбным отделом гастронома. Невольно начинаешь искать глазами аквариум. К тому же «экзотика» имеет довольно старый и порядком запущенный вид. Грязно-

серые порчистые стены. В их многочисленных углублениях, предназначенных для фонтанчиков (купец, строящий этот особняк, видимо, хотел «пустить пыль в глаза»), сейчас полно окурков. Не будем строго судить зрителей, использующих «красоты» в качестве пепельниц, уж очень неприглядно и неуютно выглядит это «место отдыха». Мы зашли туда в антракт, грот напомнил городской транспорт в часы пик». Продвигаться можно было, только энергично работая локтями, еще бы, ведь театр насчитывает свыше 1.500 мест, а в этот вечер (как, впрочем, и во многие другие) в театре был аншлаг. Оказалось, что и таинственно закрытое фойе вряд ли что-либо существенно изменило. Вот что пишет о нем в стенгазете театра Н. Ларионова, зрительница из Ташкента, бывавшая в театре: «Фойе производит гораздо менее приятное впечатление, чем спектакль. Пыль, старая полуразвалившаяся мебель. Портреты артистов развешаны вкривь и вкось на белевых веревках».

Может быть, кто-нибудь возразит — это все мелочи, важен спектакль. Что ж, спектакль в это время был хороший, с большим успехом шла оперетта Ф. Лоу «Моя прекрасная леди» в постановке А. Тутышкина. Но ощущение полнейшей запущенности здания было тягостно и неизбежно накладывало отпечаток на все. В спектакле есть сцена, когда героиня выбегает к самой рампе и, прислонившись к занавесу, словно обращается к зрительный зал. Зоя Виноградова играла Элизу искренно и проникновенно, с большим чувством произнесла она и эти слова, но, каюсь, я не могла в этот момент смотреть на актрису. Глаза были прикованы к занавесу. Выцветший, грязно-бордового цвета, он буквально гипнотизировал. Он словно стал действующим лицом спектакля, и складки его пыльного, старого плюща поглотили искренний и свежий по-

рыв чувств. Невольно взгляд останавливался и на рампе, ободранной, в грязных пятнах, на огромном ржавом софите, замаскированном выцветшей тряпкой, на досках и брванках, подпиравших потолок в бельэтаже...

НО ТЕАТР не только место отдыха, он также место работы. Работы нелегкой, требующей от человека отдачи всех его сил. Каждодневные репетиции, нервное напряжение спектаклей, одним словом, труд большой и ответственный, отнимающий в день 7—8, а то и 10 часов.

Мы зашли в антракте к З. А. Виноградовой. Узкая, похожая на коридор, примерная комната солистов театра. По обе стороны вприпрыжку старые стулья. Напротив каждого на стенах, выкрашенных в мрачную краску, небольшие зеркала. Выщербливый паркет, на двери старая портьера. Тесно и, очень душно. Здесь же глядят костюмы. В комнате нет окна, единственный источник воздуха — дверь на лестницу, а там всегда курят (большая негде). «Очень трудно так работать, — говорит Зоя, Акимовна, — очень устаем. Особенно устаем в последнюю очередь почувствовать в последнее время, когда повсюду культуре производства, «рабочему месту» уделяется столько внимания и заботы. На завод, в цех приходят художники, даже психологи. Ведь как это верно, что от окружающей обстановки зависит настроение, а значит, и производительность труда. А у нас в театре... Сами понимаем, что трудно работать здесь собраться с мыслями, «войти в образ» или просто передохнуть несколько минут перед выходом. А уж об антрактах и говорить нечего — деваться совершенно некуда. Так и сидим здесь в духоте на ломаных стульях».

И такая примерная не только у солистов. Весь женский состав балета (25 человек) размещен в одной комнате, хор тоже. Нигде нет

окон, тесно, душно, чад от уготов. «Это же прямое нарушение элементарных санитарных норм, — говорит нам артист И. П. Соркин, — загляните к нам. В комнате 6 кв. м на 6 человек. И никакой вентиляции».

«Очень трудно, очень устаем, — об этом говорят в один голос все солисты театра П. Б. Банщикова, А. И. Тарасова, Н. М. Амирханова, артисты хора Л. И. Востан и З. Я. Николаева, артистки балета М. Л. Куклева и В. Я. Волкова, костюмеры М. И. Иванова, Т. Н. Мещерякова и многие, многие другие. Говорят на собраниях, пишут в стеновой газете. Вот коллективная заметка в новогоднем номере: «С размещением артистов мужского балета все так же плохо. Прошел год, а гримуруются и одеваются некоторые артисты в коридоре возле обычной уборной». Теми же словами «все так же плохо» начнется и Другая заметка, подписанная артистками балета.

Главный художник театра А. А. Шелковников говорит, что театр сейчас находится в аварийном состоянии. Вообще-то, добавляет он, трудности были всегда — ведь сцена совершенно не приспособлена к постановке современных спектаклей, нет круга, нет даже карманов, очень низкие колосники, нет репетиционного помещения...

В СЕ СОГЛАСНЫ, все говорят... Очевидно, все это будет учтено при ремонте театра, необходимости которого не вызывает сомнений. Но пока даже не существует проекта ремонта. Правда, известно, что вот-вот будут новый занавес и новые дорожки. Видимо, будет все. А пока! Ведь Ленинградский театр музыкальной комедии в его настоящем виде уже не отвечает одной из своих элементарных функций — быть местом праздничного отдыха и нормальной работы. Не пора ли подумать и о зрителях, и об актерах, и театру хотя бы временно сменить свой адрес!

А. ДАШИЧЕВА,
спец. корр.
«Советской культуры».

ЛЕНИНГРАД.